

Николай Добролюбов

Сватовство Ченского, или Материализм и идеализм

Николай Александрович Добролюбов

Сватовство Ченского, или Материализм и идеализм

Выступление М. П. Руднева и Ю. Савича в либеральном журнале «Атеней» явилось выпадом воинствующих идеалистов против материализма. Добролюбов разоблачает либерализм авторов, показывая общность их философских взглядов с проповедью религии и мистики открытых реакционеров.

Содержание

#1	0005
Примечания	0036

**Николай Александрович
Добролюбов
Сватовство Ченского, или
материализм и идеализм... О
неизбежности идеализма в
материализме...**

*Сватовство Ченского, или материализм и идеализм... СПб., 1859
«О неизбежности идеализма в материализме» Ю. Савича*

«Сватовство Ченского» нельзя иначе объяснить, как статью г. Савича, а статьи г. Савича нельзя оценить без «Сватовства Ченского». Вот почему и решились мы соединить оба эти произведения, хотя одно из них – московское, а другое, по наружности, петербургское. Впрочем, «не судите по наружности», – говорят идеалисты, и нельзя не согласиться с этой стороной их учения. Очень может быть, что «Сватовство Ченского» принадлежит Москве, как и статья г. Савича, как и самый «Атеней». Очень может быть и то, что Москва, несмотря на свою хлебосольную славу, – ужаснейшая идеалистка. Ведь известно, что

*Приятно к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу. {1}*

И о чем же лучше беседовать, как не об идеализме и материализме в то время, когда вся почтенная беседа сыта и довольна?.. Идеализм и материализм! О, сколько условий для приятного разговора соединяет в себе эта прекрасная тема!.. Тут, во-первых, человек удаляется в область чистой мысли, где ничто нечистое, ничто действительное не смущает его...

Ничто, потому что самый *материализм* вовсе не есть *реализм*; нет, это есть не более как милое отвлечение, вроде хорошенькой модели паровоза, на которой, конечно, нельзя ехать, но для которой зато не нужно ни воды, ни дров, ни рабочих... Во-вторых, беседа об идеализме и материализме приятна тем, что здесь можно изоцрять свое остроумие и диалектику в показании антагонизма этих двух начал. В-третьих, хороша она потому, что споры с противниками, не доходя до существенных, житейски важных раздражений, могут, однако ж, слегка щекотать самолюбие собеседников и чрез то приятно поддерживать разговор. Короче, – говоря словами Бальзамина в пьесе Островского, – «это самый приятный для общества разговор». *Антиресней* его может быть разве только обсуждение вопроса, предлагаемого Устенкой в той же пьесе: «Что тяжеле – ждать и не дождаться или – иметь и потерять?»{2}

Но зачем же еще пишут люди так важно и глубокомысленно об идеализме и материализме? Пусть бы их толковали себе в гостиных о столь *антиресном* предмете и оставили

бы в покое литературу. А то, пожалуй, нас постигнет опять наводнение статей вроде: «О неизбежности классицизма в романтизме», «Любовь таинственного незнакомца к красавице, скрывающей свое имя, – или Номинализм и реализм», «Сравнительный разбор значения *сих* и *этих* для общества»{3} и т. п. Неужели и об этом еще не довольно говорили, неужели и это еще не слишком нелепо для нашей литературы в настоящее время, когда заря будущего... и пр.? Нам казалось, что мы с дуализмом давно уже порешили; мы надеялись, что теперь только разве в психологии г. Кикодзе может быть разрываемо человеческое нераздельное существо...{4} Мы думали, что недостойно образованного человека заниматься теперь серьезно антагонизмами двух противоположных начал в мире и в человеке. С тех пор как распространилась общеизвестная ныне истина, что сила есть неизбежное свойство материи и что материя существует для нашего сознания лишь в той мере, как обнаруживаются в ней какие-нибудь силы, – с этих пор мы считали совершенно ненужными всех этих Ормуздов и Арима-

нов...{5} Но нет, – г. Ю. Савич доказывает нам противное. Он вообразил, что у нас сильно распространен материализм – не в смысле признания силы как неизбежного свойства материи, – а в смысле отрицания всякой силы. Вследствие этого он ратует страшно против материалистов, во имя идеализма. Зачем? Это мы можем объяснить себе только предположением, что г. Савичу не удавалось развивать своих идей словесно в мудрой беседе, равно как и автору «Сватовства Ченского» (если это не одно и то же лицо...), и они хотят наверстать это на литературе. Отсутствие непосредственного знакомства с предполагаемыми противниками заметно даже в приемах обоих авторов, равно как и во взгляде их на сущность своего предмета. Их основное положение таково: «кто дурак, тот материалист; следовательно, материалисты дураки». И затем начинается очень остроумное развитие этого силлогизма. Но вы, может быть, не верите, чтобы в ученом журнале ученая статья могла быть построена на таком силлогизме? Вы даже подозреваете, что и в комедии «Сватовство Ченского» силлогизм этот не совсем

таков, как мы представляем? Мы беремся доказать наши слова. Начнем с «Сватовства».

Содержание комедии состоит в том, что Ченский, отставной ротмистр, имеет связь с княгиней Лапиной, очень богатой старухой. Он успел от нее нажать себе состояние и, кроме того, взял у нее под заемное письмо несколько миллионов, которые и пустил в торговые обороты. Между тем однажды, поехавши гулять со старухой, он вывалил ее из экипажа, отчего она скоро и умерла, оставив завещание в пользу своей племянницы Онинной. Но по смерти старухи Ченский завладевает всеми ее бумагами, скрывает завещание и свое заемное письмо и пишет другое завещание, которым все имение отказывается в его пользу. Дело, стало быть, кончено. Но Ченский – материалист, следовательно, должен быть дураком. Вследствие этого – он никак не может сообразить, что ему делать теперь с завещанием старухи и с заемным письмом. Наконец, в качестве материалиста, то есть дурака, он придумывает следующую штуку, для того чтобы уладить дело: он решается жениться на племяннице старухи – дочери бед-

ного профессора. Тогда, рассуждает он, все будет прикрито, и совокупным владением восстановится законность; заемное письмо на три миллиона пойдет вместо приданого бедной девушке. Не правда ли, какой материальный (разумей: глупый) расчет!

Итак, Ченский является к Ониным. Здесь-то и встречает он идеализм. Отец девушки, отставной профессор Онин, проповедует все о каких-то противоположных началах и говорит:

Все зависит от начал: они – основание наших поступков. Человек, повинующийся духовному началу, бывает благороден в своих действиях и способен к величайшим самопожертвованиям: он как будто не чувствует нашего бренного тела. Человек чувственный склонен к грубым удовольствиям, себялюбив и способен ко всякого рода низостям. Все зло у нас происходит от недостатка живого чувства, живой веры. В грубых массах народа неосмысленный формализм – явление обыкновенное: там еще человек не выработался, там еще царствует животное;

самое простое человеческое чувство должно там принимать материальную форму, чтоб сделаться доступным; но если та же форма переходит, только как форма, и в высшие слои общества, если чувство сознательное не берет там перевеса, или...

Но что же мы делаем? Начали выписывать слова Онина из «Сватовства Ченского» (стр. 70), а кончили выпискою из статьи г. Савича (стр. 277)... Впрочем, разницы-то ведь никакой нет; пусть уж так останется... А может быть, читатели и сами разберут, где оканчивает Онин и где начинает г. Ю. Савич??.

Так – Онин идеалист; у него в доме есть сестра, ученая дама, занимающаяся египетскими древностями. Сама дочь Онина – тоже идеалистка. Ясно, что Ченский не должен им нравиться. Но всего хуже то, что у Лизы Онинной есть уже жених, Молвин, тоже идеалист отчаянный. Этот говорит:

Мы знаем, что свойства материи употребляются не как-нибудь, что они неизбежно направлены к заранее указанной цели, которая определяется

идеей организации. Мне могут сказать, что эта идея вытекает из свойств самой материи, хотя бы органической клетки, которая, будучи поставлена в известные условия, может развиваться на счет окружающей среды только так, а не иначе. Согласен и на это. Но если она может развиваться только так, а не иначе, то идея, которая лежит в образовании этих условий, уже определила образ будущего индивидуума со всеми мельчайшими подробностями его последующего строения. Следовательно, индивидуум этот прямо вытекает из идеи, которая в нем реализуется, принимая форму материи, подчиняя себе материю, обращая ее в орудие свое («Атен.», 283).

Что же это, однако? Мы опять сделали выписку из г. Савича вместо «Сватовства Ченского»... Но что же делать, ежели они так сходны?.. Молвин говорит то же самое, только короче и даже толковее. Вот его слова:

Все́му основанием служит идея. Она необходимо рождается в душе нашей; мы ее вносим в природу; по ней рассуж-

даем, по ней исправляем все.

Разница между Молвиным и г. Ю. Савичем, стало быть, состоит только в том, что Молвин признает идею за произведение человека, вносимое им в природу, а по г. Савичу идея есть какое-то особенное животное, существующее само по себе, независимо от человеческого сознания, и подчиняющее себе материю. Кто благоразумнее из этих двух идеалистов, решить нетрудно. Но будем продолжать рассказ о сватовстве Ченского.

Ченский является к Ониным и начинает с того, что делает Лизе такие комплименты:

ЧЕНСКИЙ. Вы в самых цветущих летах. Щечки – как две сдобные булочки.

ОНИНА. Какое сравнение!

ЧЕНСКИЙ (усмехаясь). А я хотел сказать – как две поджаренные котлетки.

Ченский должен так говорить, потому что у него материальный (то есть глупый) взгляд на вещи. Но автор заставляет его доходить до таких вещей, которые уже так материальны (то есть глупы), что заставляют подозревать,

не увлекся ли сам автор материализмом (в его же собственном смысле). Ченский при первом же свидании начинает говорить Онинной, что ему очень нравится «ее плечо полуоткрытое», и старается дотронуться до него, потом выражает свое восхищение тем, что у нее «такой тонкий стан, и притом какая полнота!» – причем бросается на колени. В этом положении застаёт его Молвин, которому он тотчас же предлагает, чтоб тот уступил ему свою невесту за пятьдесят тысяч. Молвин, разумеется, отказывается, и тогда Ченский начинает действовать на отца Лизы. Нужно сказать, что бедный профессор занял некогда у своей родственницы, княгини Лапиной, тридцать тысяч рублей серебром на воспитание своей дочери. На что ему понадобилась такая пропасть денег, и как он мог сделать такой заем при своих ничтожных средствах? Ответ на это один: Онин – идеалист. Известно, что идеалисты не умеют экономически тратить денег. Не мудрено поэтому, что Онин истратил на воспитание своей дочери тридцать тысяч и все-таки не выучил ее даже тому, что не следовало бы ей наедине с Ченским, при пер-

вом свидании, играть на арфе и петь следующий романс:

*Оставьте заботы, оставьте вы
труд,
Склонитесь к милой на белую
грудь.
От страсти всеильной в ней чув-
ства немеют
И светлые взоры любовью тепле-
ют.
Когда же на арфе она заиграет,
Носясь и волнуясь в желаньях жи-
вых,
Мечта той порою в напевах сле-
тает
Со струн золотых.*

Тут, конечно, кроме плохих стихов, есть тоже идеализм; но только видно, что Лиза Онина понимает его немножко по-своему...

Пользуясь тем, что Онин должен княгине, Ченский, как ее наследник, требует немедленной уплаты долга, в противном же случае грозит посадить Онина в тюрьму. Тут-то выказывается весь идеализм Онина. Он начинает с того, что резонирует: «Уплачивать долги непременно нужно; не уплачивать их – зна-

чит воровать особенным образом». Но вслед за тем, когда Ченский обращается к нему с требованием уплаты, Онин умиленно возражает: «Позвольте вам сказать, что если бы княгиня жила, то она простила бы мне долг. Она часто намекала мне об этом в письмах». Ну, скажите, не восхитительный ли это идеализм! Ничего не имея, занимать у богатой родственницы тридцать тысяч, с тою надеждою, что она простит долг! Это такая высота идеализма, до которой, кроме Онина, только и мог возвыситься г. Ю. Савич в «Атенее». Г-н Савич, с своей стороны, тоже находит, что есть такой предел, за которым ни расчета, ни ума не нужно, а нужно только какое-то чувство, бесформенное и беспредельное. Вот его слова:

Там, где оканчивается ум человеческий, начинается чувство как продолжение ума, как настойчивое, но тщетное (увы!) стремление его к фигуральному (по риторике Кошанского?) выражению какой-нибудь идеи, по свойству своему не совместимой ни с чем, что предполагает ограничение, и переходящей поэтому в нечто бесформенное и

беспредельное. (Ясно ли: отдача долга предполагает ограничение идеи займа; поэтому в чувствах Онина уплата и несовместима с займом!) Оно не ищет фактов, не требует теорий; в самом себе несет оно истину, веру (в то, что долг простят), любовь, и верит, и любит, без отрицания, без пояснений. (Действительно, Онин верил прощению долга по одним намекам в письмах княгини.)

Так вот этим-то высоким чувством (неизвестно почему называемым у г. Савича *религиозным*) и руководится Онин. Но Ченский, в качестве материалиста, соглашается простить долг только в таком случае, ежели Онин отдаст за него дочь. Онин уговаривает дочь, но та не соглашается. Вследствие того задолжавшего профессора тащат в тюрьму. Но тут является бывшая горничная княгини Лапиной, Дарья Семеновна Тюмина, с которою Ченский, живя у княгини, имел связь — для *дешевизны*, как он выражается, и с которою прижил семерых детей. Эта Тюмина, узнав о сватовстве Ченского, приходит к Ониным, ругает его и изображает его материа-

лизм в самых ужасных чертах. Например, она рассказывает о следующем поступке его. «У нас был слуга Федор, – говорит она, – огромного роста, который выезжал с княгиней и ходил за ней, когда она прогуливалась. Раз, когда Ченский говел и уже отысповедался, Федор не угодил ему чем-то; что же Ченский? Ну его колотить, так что должен был отказаться от святого причастия; и это случилось три недели сряду, и Ченский проговел три недели» (стр. 47).

Столь ужасный *материализм* возмущает всех, и вслед за тем Тюмина, чтоб помешать женитьбе Ченского и отмстить ему, сламывает его шкатулку, достает оттуда заемное письмо его, завещание княгини и подложное завещание, составленное самим Ченским, и все это приносит к Ониным в ту самую минуту, как Лиза, испуганная участью отца, соглашается уже выйти за Ченского. Тут, разумеется, присутствует и Молвин и еще полицейский офицер, который теперь вместо Онина должен тащить в тюрьму Ченского. Но все присутствующие, как истинные идеалисты, оказываются столь великодушны, что не только

не подвергают его суду, но даже оставляют ему все деньги, приобретенные им в торговых оборотах, ограничиваясь лишь тем, что заставляют его жениться на Тюминой. Таким образом, идеалисты приобретают довольство и счастье, вполне вознагражденные за свое поклонение идее, а материалист остается в дураках, что и доказать надлежало...

Кажется, очевидно: Ченскому ничего нельзя сказать в заключение, кроме дурака, и если идеалисты в «Сватовстве» тоже оказываются достаточно глупыми, так тем хуже для Ченского. Значит, он-то еще глупее, чем они, если дал им провести себя.

Но вы, вероятно, несмотря на предыдущие выписки из «Атенея», все еще не вполне убеждены, что и г. Савич обошелся с материалистами так же точно, как автор «Сватовства Ченского». Нет, – именно так. Он, видите, с самого начала постановил вопрос таким образом: чтобы система философская могла проникнуть в глубину общего сознания, нужно, чтоб она «в своей сущности и в приложениях была *доказательна без доказательств, силою одной только истины*». Затем он спрашива-

ет: «Где же такая система?» Оказывается, что все системы сильны доказательствами, а бездоказательных нет. Из этого для г. Савича ясно, что «истина не дается мудрецам» и что нужно искать другую, *всеобщую, универсальную истину*, которой бы не только нельзя было доказать, но против которой были бы все вероятности, представляемые близоруким разумом. Затем следуют ругательства на тех, кто ищет доказательной истины путем опыта, а не путем веры в универсальную, бездоказательную истину. «Наше время, – с горечью говорит г. Ю. Савич, – сделалось особенно требовательным и взыскательным; на слово нынче не верят, на все умозрения махнули рукой (*quelle horreur!*),[1] и наше – только то, что наука или опыт сделают доказательным и наглядным (*оррёр, оррёр!*)... Молодое поколение гордится своими новыми убеждениями; оно *будто бы* взяло их из науки... У нас впереди идет наука, а мы, не рассуждая много, молча следуем за ней и только указываем на новые источники света желаящим просветиться по моде, на скорую руку. Нынче на все готовое мода; готовые убеждения еще лег-

че приобретаются, чем готовое платье, и тем более нравятся, что приходится всякому по голове. В чем состоят эти убеждения? В отрицании всего, что не может быть строго доказано опытом...» (стр. 256).

Пересчитавши ужасы, происходящие от подобного доверия к опыту, г. Савич восклицает потом: «Не перечесть всего зла, да и к чему? Каждый из новых людей чувствует сам, что ему недостает чего-то, что он утратил что-то очень для себя дорогое! Холодно смотрит вперед молодое поколение, холодно вокруг озирается, но не верьте этому смелому равнодушию, не называйте его зрелостью...» и пр. Далее г. Савич объясняет, что молодое поколение – только так, прикидывается, будто верит науке и опыту, а в самом-то деле жаждет «универсальной, бездоказательной истины».

Да и помилуйте – что такое наука, чтобы ей верить? Послушайте-ка г. Ю. Савича: в важнейших вопросах о мире и человеке, по его словам, – «пылкие адепты науки, упоенные успехами, спешат высказать свои надежды и, увлекаясь все больше и больше, производят с комической важностью решительный

приговор – такой грубый, такой безобразный, такой бесчеловечный приговор!.. Вы удивляетесь, читатель (замечает сам г. Ю. Савич), вам странно слышать такое резкое суждение над тем, что называют успехами науки (то есть здесь разумеются, вероятно, все те же современные идеи, на которые так вооружаются гг. Барков и Кульжинский с братиею?).{6} Но успокойтесь! в сокровищницах ее много есть всякого хлама, и старого и нового, – не все же принимать за золото» (стр. 273). Но что же именно надо принять за золото и что за хлам? Как это узнать? Ведь всякие доказательства и внешние признаки г. Савич отвергает и презирает!.. А вот слушайте:

Только то останется истинным сокровищем, дорогим достоянием науки, что выйдет чистым из горнила душевного, из сознания нашего, – единственно возможной пробы, когда дело идет о предметах высшего духовного значения. Но если вам выдают за истину такие понятия, которые противоречат вашему сознанию, разуму, чувству, – неужели вы примете их потому только, что сулят вам их во имя

науки? Не может быть, если вы человек не легкомысленный и не тщеславный», и пр.

Переведем эти идеальные фразы на простой язык; они будут значить вот что:

«Вы хотите учиться, потому что сознаете себя недостаточно образованным. Но не думайте, что наука должна расширить ваш взгляд, иначе сгруппировать знакомые вам предметы, представить их вам в новом свете, сделать доступными вашему сознанию такие предметы, которых вы прежде не признавали, возбудить в вас новые сочувствия и новые антипатии, неведомые вам прежде. Нет, вовсе нет! Вы должны принимать из науки только то, что постоянно будет согласоваться с вашим сознанием, разумом, чувством – на той степени, на которой они стоят при начале ваших занятий наукой. Поэтому, ежели вам говорят, что земля движется вокруг солнца, что солнце больше земли, а некоторые звезды, видимые вами, еще больше солнца, и т. п., – «неужели вы поверите этому потому только, что всё это говорят вам во имя науки? Не может быть, если вы человек не легкомыслен-

ный и не тщеславный». Точно так и в мире нравственных начал, – ежели вы стоите на той степени развития, до которой дошел г. Дымман в своей «Науке жизни»{7} или г. Миллер-Красовский в своей педагогике,{8} – то, пожалуйста, и оставайтесь при своем, ежели только вы человек не легкомысленный и пр. Пусть наука толкует вам о разных филантропических понятиях в воспитании, пусть представляет теорию новых общественных отношений, основанных на честности и правде, а не на угождении всякому и не на обезличении самого себя. Вы не должны принимать подобных внушений, потому что в вашем сознании есть уже противоположные начала; а если вы им измените, то покажете, что вы человек легкомысленный или тщеславный».

Какое торжество для г. Дыммана, для г. полковника П. С. Лебедева,{9} для г. Баркова, для всех возможных Митрофанушек нашего времени!{10} Господин Ю. Савич в «Атене» разрешает им не учиться, не верить науке, презирать ее, если только она осмелится сказать что-нибудь вопреки их единичному сознанию и чувству. Если сознание и чувство

откупщика заставляет его считать гибелью для государства распространение трезвости; если сознание и чувство американского плантатора велит ему считать святым и неприкосновенным делом угнетение негров; если взяточник находит в своем сознании и чувстве уголовные обвинения против людей, порицающих взятки, то правы эти люди, отвергая всякие логические убеждения, выработанные общественными науками! По г. Савичу, следует восхищаться ими, как людьми не легкомысленными и не тщеславными. Да что уж говорить об этих людях! Авторитет г. Савича разрешает всякому недорослю – не учиться и презирать науку. Зачем же, в самом деле, учиться, ежели я из науки не смею и не должен принимать ничего, не согласного с тем, что *теперь* я знаю и чувствую? В чем же будет состоять мое приобретение? Гораздо лучше довольствоваться *универсальной, бездоказательной* истиной, которой, к великому огорчению г. Савича, не оказывается ни в одной философской системе, да заняться *самосознанием*, «в котором выражается высшее органическое единство сознательной идеи», – как

выражается не совсем понятно г. Савич на стр. 286.[2]

Вообще г. Ю. Савич в своем идеализме заносится так далеко, что совершенно теряет из виду человеческие потребности и всякие условия здравого смысла. Он ужасно крепко держится на своей бездоказательной истине, и, в самом деле, нисколько не доказывает ее. Зато риторика у него в большом ходу, и он прибегает к ней даже там, где вовсе этого не нужно. Например, неужели нельзя было объяснить достоинство человека проще и спокойнее, чем как делает это г. Савич в следующих строках («Атений», стр. 284):

Не может быть ничего прекраснее, ничего выше и благороднее человека! Всмотритесь только поглубже в него, и вы согласитесь со мною; всмотритесь, как светлый луч божественной сущности прошел через материю в бесконечных мириадах жизненных форм, все подчиняя безусловно и безответно непреложным законам своим, и только в лице человека, сам озарив себя светом своим, узрел, распознал себя, почувствовал бога[3] – стал челове-

ком. Сколько света льется отсюда!.. Так вот где душа человека – заветная колыбель добра, правосудия, разума и любви! Но боже праведный! как отступились от тебя люди твои, как дурно пользуются они свободой и разумом – лучшими дарами твоими!.. Сколько втуне протекло веков, ничем себя не отметивших или постыдно прославленных самозабвением человека, непониманием божественных истин, злоупотреблением свободой и разумом... Да, много зла вопиет о правосудии, и было бы, кажется, довольно одной истории человечества, чтоб получить право отрицать в человеке и душу и разум божественный... Сам затоптал себя в грязь человек, сам отвернулся от бога своего и отрекся от себя, а истина все-таки светит в душе его, и не закрыть ее никакими софизмами. Но пора проснуться! пора заглянуть нам поглубже в себя, пора нам разведать, откуда нам этот свет и отчего, хоть при случайно вызванном блеске его, так тревожно бьется сердце, так робко шепчутся страсти, смиряется дерзкая мысль и смутно, неловко ста-

новится человеку, как будто стыдно самого себя... Счастливые[4] минуты! кто вас не знает, кто не отметил вас хоть раз в своей жизни?..

Вместе с красноречием г. Савич отличается и замысловатостью, которая в иных местах грозит даже перейти в глубокомыслие. Например, послушайте, как г. Савич объясняет отношение разума к материи – числовыми сравнениями:

Отнимите одну часть от единицы, и единица превратится в часть; отнимите все части, и единица превратится в 0, где вы не найдете ни конца, ни начала. Так и здесь: единичность с одной стороны, безграничная общность – с другой, а части являются посредниками между тем и другим, между всеобщим и единичным. Читатель, пожалуй, в шутку может упрекнуть меня, что я привел к нулю безграничную общность разума; но если, оставив шутки, всмотреться в значение нуля, то нетрудно будет убедиться, что нуля не существует ни в смысле целого, ни в смысле частей, хотя его непостижимое существование не менее того

реально.

Не угодно ли, в самом деле, всмотреться в «непостижимое реальное существование несуществующего нуля»? Какая прекрасная задача после сытного обеда, для лучшего пищеварения! И какое торжество для бездоказательной, универсальной истины, открытой г. Савичем в «Атенеи»!.. Недаром же он восклицает в своей статье: «Здесь истина, здесь она – во всем величии красоты и могущества своего! А мы, как слепцы, бродили вокруг», и пр. ... Опять следуют те же уверения, что все ищущие доказательств для истины – дураки круглые...

И однако – странное дело! – у этих самых дураков, у этих несчастных, не понимающих универсальной истины, г. Савич нашел теорию, которая ему не нравится только потому, что она слишком уж высока и идеальна!.. Вы, конечно, не верите этому, потому мы еще раз приведем слова самого г. Савича. Он излагает теорию, которую принимают, по его словам, материалисты (разумей: глупцы), – и вот как заставляя он их высказывать свои убеждения (стр. 275):

У нас теперь, как недавно выразался кто-то, на первом плане стоит человек и его прямое, существенное – благо. Мы убедились (!), ято абсолютного ничего нет, а все имеет значение и достоинство только относительное. А чтоб мы были честны, великодушны и справедливы, нам довольно только знать, что мы находимся в кровном родстве с человечеством; не нужно нам для этого ни ваших принципов, ни душ, с какими-то врожденными понятиями о добре и зле. Это все для нас слишком абстрактно. Добро и зло – понятия относительные; не то хорошо, что нравится мне одному, но то, что и вам и всем приходится по сердцу; а где всем хорошо, там, поверьте, и нам с вами будет недурно. Вот вам и абсолютно хорошее, и тем же путем можете найти даже и абсолютно злое, о чем наши философы, кажется, и не догадывались. Действовать каждому за всех и всем за каждого – вот наш принцип, и ведет он нас не к ложному счастью.

Изложив мысли противников, г. Савич представляет и свои опровержения – вот в ка-

ком роде:

Прекрасное правило, если это действительно правило, а не просто громкая фраза; но ею прикрывается, к несчастью, такая пустота, такая tabula rasa, что мы решаемся разоблачить ее и показать изнанку той блестящей мантии, в которую драпируется наш век. Мы никогда не сомневались в таком чувстве, которое забывает о себе для всех, которое предпочитает благо общее своим собственным интересам; мы верили всегда в плодотворность подобного чувства, но знали его только как исключение ив общего правила, тщательно отмечаемое в числе редких исторических примеров; никто бы никогда не решился основать на нем солидарность человеческих отношений, и следует для этого искать другого, более надежного основания.

Смысл этого возражения, кажется, ясен. Другими словами, это будет вот что: «Вы, господа материалисты, хотите основать общее благо на круговой поруке интересов, на естественной склонности людей участвовать в

делах общих. В теории вы справедливы; но ваши надежды слишком идеальны. Мы, идеалисты, подобное слияние личного интереса с общим считаем лишь блестящим исключением, которое, как редкость, отмечается в истории. Не смейте же нас уверять, что ваша наука, ваша теория довели вас до таких результатов; этого быть не может... Это уж слишком хорошо и высоко... Где же дойти до этого вашей науке? Тут непременно нужно другое основание... Вот мы, идеалисты, могли бы еще вывести столь благотворные результаты, да и то не выводим, считая их лишь исключительными, редкими явлениями. Куда же после этого вы-то суетесь?»

Таким образом, роли переменяются, и *материалисты* упрекаются в том, что они слишком уж *идеальны*. Что тут делать беднякам, которых сначала обругали, а потом обличают в неспособности дойти до того, до чего они уж дошли! Это опять повторение старого анекдота о педагоге, который ругал мальчика за то, что тот слишком скоро решил его задачу. «Как ты мог решить ее, когда я сам еще не успел окончить вычисления?» – «Да я по дру-

тому способу решил ее». – «Какие могут быть у тебя другие способы, когда ты еще дурак, мальчишка, ничего не понимаешь. Это у меня может явиться другой способ, ибо я учитель... Да и то, вот видишь, я решаю по старому способу... Куда ж тебе?» – «Однако же я решил вашу задачу, и совершенно удовлетворительно». – «Вздор, врешь; это только так кажется, – потому что все доказательства подведены и вывод сделан верный... А в самом-то деле где же тебе? Тут надобно универсальную истину, чтобы без доказательств было доказательно, без смысла умно», и пр.

Как прикажете толковать с таким наставником? Не лучше ли оставить его в блаженном убеждении, что у него одного только ключ к истине и что всякий, кто не согласен с ним, совершенно глуп? Не лучше ли и нам покончить тем же с г. Савичем – столь красноречивым и последовательным г. Савичем!

Но, расставаясь с ним и с автором комедии «Сватовство Ченского» (если это не одно и то же лицо...), воспользуемся случаем сделать несколько общих выводов об идеалистах и материалистах, как они рисуются у рассмот-

ренных нами авторов.

1) По «Сватовству Ченского», идеалисты любят жить на чужой счет, занимая деньги без отдачи.

2) Материалисты бывают очень набожны и по три недели говеют, лишая себя причащения^{11} за проявления вспыльчивости характера (см. стр. 183).

3) Идеалисты любят верить намекам, особенно когда эти намеки обещают им прощение долга.

4) По «Сватовству Ченского» и по г. Савичу, материалисты составляют синоним дурака; они составляют фальшивые завещания и хранят их вместе с подлинными, составленными против них; они держат у себя в целости украденные ими заемные письма на них же...

5) По г. Савичу, «каждый индивидуум идеалиста прямо вытекает из идеи, которая в нем реализуется, принимая форму вещественности».

6) Материалисты никуда не годятся главным образом потому, что они слишком идеальны, так что признают общим нравственным требованием то, чему идеалисты могут

только удивляться как редкому исключению.

7) Из всего этого следует, что идеализм неизбежен в материализме, по понятиям г. Савича, и что оба эти начала чрезвычайно перепутаны и перемешаны, – если не в мире, то в головах г. Савича и автора «Сватовства Ченского» (если это не одно и то же лицо...).

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 8, отд. III, стр. 262–275, без подписи. Вошло с незначительными изменениями в изд. 1862 г., т. III, стр. 157–170.

Пьеса «Сватовство Ченского...» издана анонимно. Авторство драматурга, генерала М. П. Руднева (1803–1867), установлено в книге: А. Ф. Писемский. Письма. М. – Л., 1936, стр. 638 (прим. М. К. Клемана и А. П. Могилянського).

Выступление М. П. Руднева и Ю. Савича в либеральном журнале «Атеней» явилось выпадом воинствующих идеалистов против материализма. Добролюбов разоблачает либерализм авторов, показывая общность их философских взглядов с проповедью религии и мистики открытых реакционеров.

Сноски

1

Какой ужас! (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

2

Вот его слова, со всеми его курсивами: «Идея – *непосредственное* произведение всеобъемлющего разума, *неделимого* в своей сущности, но *бесконечно производительного*; так что природа вся, весь видимый мир – живая книга, в которой высочайший разум запечатлел свои божественные истины. Отсюда поэтому следует, что изучение и раскрытие законов разума, выраженных во всем эмпирическом мире, составляет сущность науки. Идея, олицетворенная человеком и *живущая в нем*, составляет сущность его разума как сознательной идеи разума божественного, которая достигает в человеке высшего органического единства, выраженного *самосознанием*».

Читателю предоставляется решить, что преобладает в этом отрывке – красноречие или туманность изложения. Впрочем, оба эти качества находятся в таком близком родстве между собою!..

[^^^]

3

Курсив у самого автора.

[^^^]

4

Счастье-то, подумаешь, в чем заключается!.. Когда человеку *стыдно, неловко, смутно, тревожно*, тогда он и счастлив!.. О г. Савич! Недаром же рассуждал он еще в прошлогоднем «Атене» – «об отношении идеала человеческого блаженства к идеалу счастья собачьего»!{12}

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Измененная цитата из стихотворения И. С. Аксакова «Добро б мечты, добро бы счастье...» (1853). У Аксакова:

*Мы любим к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу.*

[^^^]

2

А. Н. Островский. «Праздничный сон – до обеда» (1857), картина 3, явл. 3.

[^^^]

Добролюбов имеет в виду статью О. И. Сенковского «Резолюция на челобитную сего, онаго, такового, коего, вышеупомянутого... и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка» (1835) (О. И. Сенковский. Собрание сочинений, т. 8, СПб., 1859, стр. 235–247) и полемику вокруг вопроса об изгнании этих слов из русского языка.

[^^^]

4

Имеются в виду «Основания опытной психологии» (СПб., 1858) архимандрита Гавриила (Г. М. Кикодзе), учебное пособие для духовных семинарий (см. рецензию Добролюбова в т. 4 наст. изд.).

[^^^]

5

Ормузд и *Ариман* – в древнеперсидской религии боги, олицетворявшие доброе и злое начала.

[^^^]

6

Н. Барков и И. Г. Кульжинский (1803–1884) – реакционные критики и публицисты, авторы брошюр «Современные идеи православны ли?», вып. 1–2, СПб., 1858 (см. о них в рецензии Добролюбова «Голос древней русской церкви» – т. 4 наст. изд.).

[^^^]

7

«Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете» (СПб., 1859) – реакционная книга сотрудника «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» Е. А. Дыммана, рассматривается Добролюбовым в статье «Новый кодекс русской практической мудрости» (см. т. 4 наст. изд.). В письме к И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 года Добролюбов называет ее «глупейшей книгой».

[^^^]

8

Добролюбов имеет в виду книгу реакционно-го педагога Н. А. Миллера-Красовского «Основные законы воспитания» (СПб., 1859), которая, как писал Добролюбов, «делает позор высшему нашему образованию, более которого трудно сделать» (см. рецензии Добролюбова на эту книгу, в наст. томе и в т. 4 наст. изд.).

[^^^]

9

П. С. *Лебедев* (1817–1876) – генерал, военный историк и писатель, с 1855 по 1861 год – редактор газеты «Русский инвалид». В книге «Граф Радецкий и его походы в Италию в 1848 и 1849 годы» (СПб., 1850) он с реакционных позиций оценивает революционные события в Италии (см. о нем рецензию Добролюбова на «Историю Австрии» Майлата в т. 4 наст. изд.).

[^^^]

10

В «Современнике» вместо «для всех возможных Митрофанушек нашего времени!» было: «для всех не любящих науку и ее успехи!».

[^^^]

11

В «Современнике» вместо «очень набожны и по три недели говеют, лишая себя причащения» было: «очень строги к своей нравственности и сурово наказывают себя».

[^^^]

Цитата из статьи Ю. Савича «Несколько мыслей об общинном владении землей» («Атеней», 1858, № 50).

[^^^]

[^^^]